

ни и дать плоды. Разрушить современный строй и создать общество, основанное на принципах анархического коммунизма, невозможно въ два-три дня. Кратковременный взрывъ можетъ свергнуть одно правительство, чтобъ поставить на его мѣсто другое, замѣнить Наполеона какимъ нибудь Жюль Фавромъ, но онъ не въ силахъ переродить основныхъ устоевъ общества. Чтобъ свершить предполагаемый нами переворотъ, измѣнить современные способы группировки людей и уничтожить частную собственность, — необходимы три-четыре года непрерывныхъ возстаній. Въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1788 по 1793 г., Франція боролась съ режимомъ феодальнаго землевладѣнія и съ могуществомъ королевской власти. Не меньше чѣмъ въ три-четыре года можно будетъ сразить буржуазный феодализмъ и могущество европейской плутократіи.

Въ этотъ періодъ усиленнаго возбужденія, когда мысль работаетъ съ неимоверной быстротой, когда всѣ, какъ въ большихъ городахъ, такъ и въ глухой деревнѣ, принимаютъ участіе въ общемъ дѣлѣ, анархическія идеи, посѣянные уже существующими группами, пустятъ корни и принесутъ плоды. Въ такіе моменты даже люди, индифферентные ко всему становятся ярыми защитниками новыхъ принциповъ.

Таковъ былъ всегда ходъ новыхъ идей; великая французская революція подтверждаетъ намъ это.

Французская революція, конечно, была не такъ глубока, какъ та, которую мы предсказываемъ Европѣ. Она свергла аристократію, чтобъ поставить на ея мѣсто буржуазію. Она не коснулась режима частной собственности и укрѣпила эксплуатацію низшихъ классовъ буржуазіей. Но эта революція окончательно уничтожила рабство, уничтожила его съ оружіемъ въ рукахъ, а не писанными законами. Она открыла эру революцій, непрерывно слѣдующихъ одна за другой, все болѣе и болѣе приближающихся къ Соціальной Революціи. Она дала человечеству революціонный импульсъ, безъ котораго народы коснулись бы до сихъ поръ въ рабствѣ. Она завѣщала міру цѣлый потокъ плодотворныхъ идей, пробудила духъ возстанія, дала французскому народу революціонное воспитаніе. Если въ 1871 году Франція дошла до Коммуны; если теперь она готова принять принципы анархического коммунизма, между тѣмъ, какъ другія націи пребываютъ еще въ періодѣ монархизма или конституціонализма (эти періоды были пройдены Франціей до 1848 года, или вѣрнѣе до 1879), то это несомнѣнно объясняется тѣмъ, что въ концѣ прошлаго вѣка она пережила четыре года великой революціи.

Вспомните, какую печальную картину представляла собою Франція за нѣсколько лѣтъ до революціи и какъ безсильно было то меньшинство, которое мечтало объ уничтоженіи королевской власти и феодализма.

Крестьяне были погружены въ самую ужасную нищету и невѣжество. Затерянные въ глухихъ деревняхъ, не имѣющихъ между собой правильнаго сообщенія, не зная, что дѣлается за двадцать верстъ отъ нихъ, задыхавшіеся подъ тяжестью труда и лишеній, эти несчастныя существа, казалось, были обречены на вѣчное рабство. Малѣйшее возстаніе подавлялось вооруженной силой: солдаты разстрѣливали беззащитный народъ и вели на висѣлицу его предводителей. Попадались иногда въ деревняхъ агитаторы, проповѣдующіе народу ненависть къ его угнетателямъ, стремившіеся пробудить въ немъ надежду и жажду свободы. Смѣльчаковъ, рѣшавшихся слушать ихъ, было мало. Крестьяне не смѣли даже просить хлѣба и уменьшенія налоговъ.

Что касается буржуазіи, то она поражала своей трусостью. Изрѣдка попадались въ ея средѣ революціонеры, заявлявшіе правительству свой протестъ. Но большая часть буржуазіи гнула спину передъ королемъ и придворными, передъ знатію, передъ слугами аристократовъ. Самой гнусной подлостью, самой ужасной низостью дышатъ ея слова и поступки до 1789 года, — что-бы тамъ ни говорили Луи Бланъ и другіе защитники этой буржуазіи. Глубокимъ отчаяніемъ проникнуты слова революціонеровъ той эпохи. Какъ правъ Камилль Демуленъ, говоря: „Насъ, республиканцевъ, было въ Парижѣ до 1789 года едва двѣнадцать человѣкъ»...

И какое глубокое перерожденіе произошло за какіе-нибудь три-четыре года. Какъ только власть короля была поколеблена, угнетенный народъ поднялся. Весь 1788 годъ прошелъ въ непрерывныхъ, частичныхъ возстаніяхъ крестьянъ. Подобно стачкамъ нашего времени, они вспыхивали тамъ и сямъ на территоріи Франціи, захватывая все большія и большія пространства, становясь все продолжительнѣе и ожесточеннѣе.

За два года до революціи, народъ униженно просилъ уменьшенія податей (какъ теперь онъ про-